

DOI: 10.15393/j9.art.2020.7942

УДК 821.161.1.09“18”

И. А. Виноградов

*Институт мировой литературы им. А. М. Горького,
Российская академия наук
(Москва, Российская Федерация)*

info@imli.ru

Концепт закона в творчестве Н. В. Гоголя

Аннотация. В статье впервые ставится вопрос об одном из направлений деятельности Н. В. Гоголя как писателя-«сатирика», обличителя нравов, а именно: неизменное следование в произведениях законам Российской империи, более ста томов которых вышли в свет при его жизни. Подчеркивается, что зародившееся еще в школьные годы стремление Гоголя посвятить себя юстиции он пронес через всю жизнь. Свое творчество, а также наследие Гомера, Державина, Фонвизина, Грибоедова он рассматривал как воспитательные, «законодательные» для современников. Каждое, без исключения, произведение Гоголь создавал, по его собственным признаниям, в качестве поддержки «правдивых законов» государства и Церкви, единство которых обуславливалось особенностями законодательства православной державы. В работе прослеживаются реминисценции из «Полного собрания законов Российской империи» в первом гоголевском цикле «Вечера на хуторе близ Диканьки», сборнике «Миргород», в «петербургских» повестях, «Ревизоре», «Мертвых душах», комедии «Игроки» и др. Из правительственных указов, нашедших отражение в произведениях Гоголя, можно назвать следующие: законы о суевериях, о пьянстве, о винных откупах и корчемстве, постановления о недоимках, указы о «ревизии душ» и «ревизии дел», запретительные указы о взятках, ростовщичестве, роскоши, контрабанде, о распутстве, карточной игре и пр. Подчеркивается связь «законодательной» проблематики с законами поэтики Гоголя, их единство в произведениях всех жанров и всех периодов творчества писателя.

Ключевые слова: Гоголь, биография, творчество, общественная идеология, закон, законодательство, законность, духовное наследие, поэтика

Об авторе: *Виноградов Игорь Алексеевич* — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького, Российская академия наук (ул. Поварская, 25а, г. Москва, Российская Федерация, 121069)

Дата поступления: 10.01.2020

Дата публикации: 25.05.2020

Для цитирования: Виноградов И. А. Концепт закона в творчестве Н. В. Гоголя // Проблемы исторической поэтики. — 2020. — Т. 18. — № 2. — С. 64–86. DOI: 10.15393/j9.art.2020.7942

Как известно, в Петербург в 1828 г. Н. В. Гоголь приехал с широкими планами о труде на благо Отечества. Воспитание в родной семье, школьная программа в гоголевской *alma mater* — Гимназии высших наук князя Безбородко в Нежине — обусловили то, что в столице девятнадцатилетний Гоголь оказался с уже вполне сложившимися взглядами будущего автора «Тараса Бульбы». Позднее в поисках героических черт запорожцев Гоголю не пришлось довольствоваться только книжным материалом: такой герой-патриот уже жил в нем самом, когда в 1828 г. он покидал гимназию [Виноградов, 2019].

Сформировавшиеся в Нежине взгляды Гоголя на государственное служение имели одну особенность. Ранние гоголевские письма позволяют судить, что изначально будущий писатель мечтал о правовом поприще. В 1827 г., находясь на последнем курсе гимназии, Гоголь писал родным:

«Во сне и на яву мне грезится Петербург, с ним вместе и служба государству»¹; «Я перебирал в уме <...> все должности в государстве и остановился на одном. На юстиции» (10: 74).

Насколько реализованными оказались первоначальные, юношеские планы Гоголя?

Мысль о «службе государству», с пристальным вниманием к сфере юстиции, Гоголь пронес через всю жизнь. Ни в критике, ни в исследовательской литературе до сих пор не обращалось внимания на то, какое исключительное значение для становления Гоголя имел выход в свет знаменитого «Полного собрания законов Российской империи».

Первые пятьдесят три тома «Полного собрания законов Российской империи» появились в 1830 г. — в один год сразу целое многотомное издание. До конца жизни Гоголя было напечатано еще более пятидесяти томов. Подразумевая это собрание, охватившее российские законы начиная с XVII в., Гоголь писал:

«Вот уже <...> полтора года лет протекло с тех пор, как Государь Петр I прочистил нам глаза <...> правительство во все время действовало без устани. Свидетельством тому *целые томы* постановлений, узаконений...» (6: 78) (курсив здесь и далее в цитатах мой. — И. В.).

В одной из университетских лекций Гоголь подчеркивал также уникальную роль в мировой истории явления, аналогичного изданию «Полного собрания законов Российской империи». Говоря об образовании в VI в. трех главных составляющих древнего римского права — Дигест, Кодекса и Институций, — Гоголь обращал внимание на такое же, как и в деятельности императора Николая I, предприятие св. правого императора Юстиниана — «императора-законодателя», как определял его Гоголь:

«Вступивши на престол, он велел собрать воедино все законы и постановления прежних августов» (8: 169).

В одной из исторических статей Гоголь также замечал:

«Российская Держава <...> особенно <...> сделалась славной при *Владимире Св<ятом>*, который ввел христианскую веру и науки, а сын его *Ярослав* смягчил грубые народные нравы *законами*...» (8: 110–111) (курсив Н. В. Гоголя. — *И. В.*).

Продолжая свои размышления о законодательной деятельности правительства, Гоголь заключал:

«А как было на это все ответствовано снизу? Дело ведь в применении <...> Указ, как бы он обдуман и определителен ни был, есть не более как бланковый лист, если не будет снизу такого же чистого желанья применить его к делу <...> Без того все обратится во зло» (6: 79).

Оценивая свое собственное творчество, а также наследие Гомера, Державина, Фонвизина, Грибоедова как воспитательное, «законодательное» для современников (см. ниже), Гоголь на вопрос, произвели ли «Мертвые души» должное впечатление на читателей, отвечал:

«...Собственных мыслей <...> я не сумел передать и <...> подал повод к истолкованию их в превратную и <...> вредную <...> сторону» (6: 80).

Принято считать — вполне привычно и небезосновательно, что Гоголь — это прежде всего писатель-сатирик, обличитель нравов. Однако до сих пор в науке отсутствует внятное представление о том, что же, в конце концов, обличает Гоголь. Ныне назрела необходимость прочесть даже самые «легкие» «Вечера на хуторе близ Диканьки» серьезно, в контексте гоголевского мировоззрения, с учетом правительственной идеологии, в свете законов Российской империи. Необходимо

увидеть эти повести так, как, к примеру, прочла их мать Гоголя, подметившая, что своими произведениями ее сын стремится принести пользу родному краю. Получив первую часть «Вечеров...», Мария Ивановна писала родственнице: «Николай мой все стремится быть полезным для родного края, и я несколько понимаю его цель; в сей книге он коснулся ее; но в продолжении более будет...» [Виноградов, 2017–2018, т. 2: 135]. С этим стремлением Гоголя прямо связано обилие переключек содержания его ранних повестей с «Полным собранием законов Российской Империи».

По-видимому, именно Гоголю принадлежит публикация в период создания «Вечеров...» еще одного важного, сравнительно с изданием «Полного собрания законов Российской империи», компилятивного труда по законотворческой деятельности. Как бы в дополнение к труду М. М. Сперанского в том же 1830 г. в июньском номере журнала «Отечественные Записки» Гоголь напечатал обширный свод законодательных актов о Малороссии². Опубликованная тогда Гоголем статья представляет собой извлечение из «экстракта», составленного в XVIII в. Войсковой канцелярией гетмана Разумовского. Она включает в себя отрывки многочисленных грамот, свидетельствующих о подтверждении русскими царями «прав и вольностей» малороссиян.

Со статьей «О прежних правах, вольностях и преимуществах Малороссии» переключается свидетельство земляка Гоголя, миргородского помещика В. Я. Ломиковского в письме к приятелю от 9 января 1830 г., в котором тот сообщал, — по-видимому, опять-таки со слов Гоголевой матери, — о «великом намерении» ее сына «исходатайствовать Малороссии увольнение от всех податей» [Виноградов, 2017–2018, т. 2: 26]. Ломиковский передавал слова Марии Ивановны с явной иронией и преувеличением. Однако это не умаляет искренних намерений Гоголя «быть полезным» родному краю. «Пользу» для Малороссии бывший министр, предводитель полтавского дворянства Д. П. Трощинский, родственник Гоголей, тоже понимал в том, чтобы отчасти уменьшать многочисленные подати, которыми облагались его земляки [Виноградов, 2017–2018, т. 1: 228].

С ходатайствами Трощинского об уменьшении податей прямо перекликается в одной из повестей «Вечеров...», а именно в «Майской ночи...», трехкратное упоминание об обязанностях сельского головы по сбору недоимок с односельчан, с двукратным указанием чрезвычайно сурового способа наказания недоимщиков — обливания их «*на морозе* холодной водою» (1–2: 133, 140, 151). Сами по себе эти упоминания подразумевают многочисленные указы правительства о взыскании недоимок. Во времена Гоголя количество таких указов насчитывало несколько сотен. Особенно примечателен напечатанный в «*Полном собрании законов Российской империи*» указ Петра I «*О посылке людей, не платящих казенных недоимок, на галеры*»³. Тут же, следом, в собрании находится Именной указ Петра о недопустимости ношения россиянами кожаной обуви, изготовленной на дегте, а не на сале [*ПСЗ 1*, т. 5: 530–531], — «под страхом конфискации и галер, как обыкновенно кончаются хозяйственные указы Петра», по замечанию А. С. Пушкина, непосредственно касающемуся этого постановления⁴. Указ Петра об обуви на сале или дегте, в свою очередь, Гоголь подразумевает и в «Вечерах...», и в «Миргороде». В этих циклах четырежды обращается внимание на то, чем начищены сапоги героев, — салом или дегтем. Вероятно, в этом свете не мог не остановить внимания Гоголя и указ Петра I о запрещении, тоже под страхом сурового наказания, всем чинам, кроме духовенства и крестьян, русской одежды, с предписанием носить вместо нее саксонское, немецкое или французское платье [*ПСЗ 1*, т. 4: 182].

В «Вечерах...», как и в других позднейших произведениях, Гоголь часто обращает внимание на еще одну важную проблему, связанную с законодательством. Он показывает нарушения бесчисленных правительственных указов о винных откупах и корчемстве (см., в частности: [*ПСЗ 1*, т. 32: 849–871]), поднимая проблему народного пьянства в целом⁵.

На целый ряд подобных правительственных постановлений указывают реалии, изображенные Гоголем в той же «Майской ночи...». Там, где небеса открываются во всем их величии, где рождается у человека самая мысль о Боге — о Его ангелах и сходящей с неба «длинной лестнице» (1–2: 129), вьется

обольстительная вереница русалок — и тут же к празднику Покрова Пресвятой Богородицы «пан хочет строить <...> винницу и прислал нарочно для того <...> винокура» (1–2: 131). В замысле «Майской ночи...» нашла отражение история строительства в родовом имении Гоголей Васильевке деревенской церкви. Начальный этап постройки казаки-соседи приняли сначала за строительство винокурни, почему на первых порах отказывали отцу Гоголя в помощи. Когда же увидели, что заложена церковь, то стали помогать кто чем мог [Виноградов, 2017–2018, т. 1: 331–333]. Заключенный в повести конфликт (спасительное влияние Церкви и пагубное — винокурни) не был плодом художественного вымысла Гоголя. Этому мотиву посвящен целый ряд не менее многочисленных правительственных указов той поры. Это указы «О нестройности <...> питейных домов <...> близ церквей...» [ПСЗ 1, т. 12: 642–645], «О времени открытия в воскресные и праздничные дни питейных домов...» [ПСЗ 1, т. 37: 505], «О воспрещении продажи питей <...> по воскресным и праздничным дням, во время Божественной Литургии» [ПСЗ 1, т. 38: 1026]. Эти указы в дальнейшем постоянно подтверждались и дополнялись — вплоть до того времени, когда Гоголь в статье «Светлое Воскресенье» писал, что на Пасху «даже и сам народ, о котором идет слава, будто он больше всех радуется, уже пьяный попадает на улицах, едва только успела кончиться торжественная обедня» (6: 197).

Грехопадение главного героя другой повести гоголевских «Вечеров...» («Вечер накануне Ивана Купала»), в свою очередь, совершается при появлении его в шинке, где он встречается с «дьяволом» Басаврюком. Свое преступление этот герой совершает в тот день и час, когда, по замечанию рассказчика, всякий «добрый человек» идет в церковь «к заутрене», а не в кабак (1–2: 118).

Можно указать на еще целый ряд переключек содержания «Вечеров...» с «Полным собранием законов Российской империи». Так, многочисленные упоминания о «перёкупках» в «Сорочинской ярмарке» и «Пропавшей грамоте» подразумевают более чем полтора десятка правительственных указов против перекупа и перекупщиков (т. е. против спекуляции

и спекулянтов) за почти полуторавековой период борьбы правительства с этим явлением — с 1681 по 1827 г.⁶

«Сквозной» темой, поднимаемой практически во всех повестях цикла, является обличение суеверных обычаев и представлений. Не говоря уже о церковных постановлениях, существовал целый отдел гражданских, полицейских законов о суевериях и суеверных обрядах, об уголовном преследовании колдунов, чернокнижников и чародеев-обманщиков⁷. Без преувеличения можно сказать, что под строки одной из статей Полицейского устава 1782 г. попадает едва ли не все содержание «Вечеров...»: колдовство, основанный на суевериях обман, «пугание чудовищем», «искание клада», нашептывание на траву или на питье [ПСЗ 1, т. 21: 480].

Что касается главных сатирических произведений Гоголя — «Ревизора» и «Мертвых душ», — то и без особого исследования ясно, что основой для них явилось великое множество правительственных указов. Для «Ревизора» прежде всего значимы многочисленные указы о «ревизии дел» (с XVIII в. до 1836 г. их было издано более двухсот)⁸. Кроме того, на создание комедии несомненное влияние оказали несколько указов об искоренении взяток (это указы 1801, 1812, 1821, 1826 и 1832 гг.)⁹. Обратим внимание лишь на один из них. Из осторожности судья Ляпкин-Тяпкин предлагает дать взятку Хлестакову «в виде приношенья <...> на какой-нибудь памятник» (3–4: 264). В этом судейский чиновник обнаруживает явное знакомство с указом о взятках 1832 г., где в качестве исключения московскому городскому голове *разрешалось* принять добровольное купеческое пожертвование на сооружение памятника действующему генерал-губернатору [ПСЗ 2, т. 7: 135–136]. Авторский комментарий к подобного рода «пожертвованиям» можно найти в «Игроках», в реплике шулера Замухрышкина, мнимого чиновника:

«...Вы, господа, только разве что придумали названья поблагородней: пожертвованье там или так. <...> А на деле выходит — такие же взятки: тот же Савка, да на других санках» (3–4: 397).

Реплика Земляники, что судья «больше десяти лет <...> не исповедывался»¹⁰, подразумевает два государственных закона о наложении церковной эпитимии за уклонение от исповеди

и причастия [ПСЗ 1, т. 26: 521–523; ПСЗ 2, т. 8, отд. 1: 90–91]. Первый из законов, несомненно, имеется в виду в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», где рассказчик сообщает о том, как герой «Вечера накануне Ивана Купала» отец Афанасий, «заметив, что Басаврюк и на Светлое Воскресение не бывал в церкви, задумал <...> наложить (на него. — И. В.) церковное покаяние» (1–2: 116).

Просьба Добчинского об узаконении добрачного ребенка подразумевает сенатский указ 1829 г. «об оставлении без уважения» подобных прошений [ПСЗ 2, т. 4: 528]. Высеченная по ошибке унтер-офицерша уповает на Императорский указ 1835 г. о «взыскании <...> по двести рублей за каждый удар, невинно данный» [ПСЗ 2, т. 10, отд. 1: 62].

Сквозной для гоголевских произведений является тема пагубной роскоши. Стремление к роскоши Гоголь подчеркивает, отмечая страсть жены Городничего, Анны Андреевны, к нарядам. Согласно Гоголю, многие из «просвещенных потребностей» этой героини удовлетворяются прямо за счет взятки ее мужа. В «Переписке с друзьями» Гоголь писал:

«...Гоните эту гадкую скверную роскошь, эту язву России, источник взятки...» (6: 98);

«...Большая часть взятки, несправедливостей по службе <...> наших чиновников <...> произошла <...> от расточительности их жен...» (6: 14).

Это направление гоголевских обличений тоже тесно связано с целым рядом правительственных постановлений, а именно — указов о роскоши¹¹. Кроме прямых указов на этот счет, в утвержденном Николаем I в 1833 г. таможенном тарифе все предметы роскоши, в любой форме, гастрономические, галантерейные, интерьерные и прочие, к ввозу в Россию были запрещены [ПСЗ 2, т. 8, отд. 2: 324–365]. Высокими ввозными пошлинами облагались также, согласно тарифам, заграничная «лапша» [ПСЗ 1, т. 45: 124–125], предпочитаемая вместо галушек колдуном «Страшной мести» (1–2: 219), и любимый колдуном кофе [ПСЗ 1, т. 45: 116–117]. Герой незавершенной комедии Гоголя «Владимир 3-ей степени», угодливый, пронырливый чиновник, говорит, в частности, своему начальнику, важному петербургскому сановнику:

«...Представьте меня непременно к награде! Я <...> усердно вам служу, доставляю запрещенный товар» (7: 136).

С многочисленными охранительными мерами против контрабанды связаны слова Хлестакова о том, как «суп в кастрюльке прямо на пароходе приехал из Парижа» (3–4: 257). Здесь имеется в виду запретительный указ правительства о заграничных консервах [ЛСЗ 2, т. 16, отд. 1: 393–394]. Можно вспомнить и рассказ о службе Чичикова на таможне, предателем интересов которой, интересов государства, является этот герой. Во всей своей деятельности, на протяжении всей своей карьеры Чичиков обманывает прежде всего государство. В предполагаемом закладе «мертвых душ» он тоже рассчитывает обвести государственную финансовую, банковскую систему. В своей проделке Чичиков намеревается воспользоваться положениями о займах из Государственного опекунского совета¹². (Механизм операций по закладу Гоголю был хорошо известен хотя бы потому, что в Опекунский совет неоднократно закладывалось его собственное имение.)

Примечателен также образ ростовщика, выведенный Гоголем в «Портрете». В этой повести упоминается молодой князь, который, вступив в связь с нечистой силой, появляется в Петербурге «окруженный пышностью и блеском невероятным» — устроенные им «блистательные балы» сделали его «известным двору» (3–4: 105). Это направление гоголевских обличений также мотивировано целым рядом правительственных постановлений — наряду с указами о роскоши, указами о ростовщичестве¹³. Размах займов тогдашней петербургской аристократии, в том числе у заграничных ростовщиков, был чрезвычайно внушительным. Сохранились свидетельства, что займы под проценты достигали тогда нескольких миллионов [Булгаков: 194–195]. Противоположное по размерам мелочное упоминание в «Портрете» о ничтожном занятии обитателей Коломны — также являющихся клиентами демонического ростовщика, — о торговле петербургскими старухами «старым тряпьем» (3–4: 101), тоже связано с законами: оно подразумевает указ «О запрещении торгового старым платьем и лоскутьями» 1808 г. (во избежание «прилипчивых болезней») [ЛСЗ 1, т. 30: 41].

Повести Гоголя «Невский проспект» и «Нос», хотя, строго говоря, тоже не являются «сатирическими», однако, в свою очередь, содержат резко критический пафос и имеют вполне основательную законодательную базу. Их содержание перекликается с многочисленными, на протяжении целых двух столетий, указами государства о распутстве¹⁴ — о порочащем поведении, которое, по словам указа, разрушает «дворянское достоинство» и нетерпимо «не только в дворянском, но и ни в каком обществе» [ПСЗ 2, т. 4: 132]. В частности, в адресованном майору Ковалеву замечании полицейского пристава о том, что «много есть на свете всяких майоров, которые <...> таскаются по всяким непристойным местам» (3–4: 53), прямо отзывается предписание Полицейского устава «всем и каждому» в «открытый днем и ночью ради непотребств» дом не входить [ПСЗ 1, т. 21: 480]. Соответствующее поведение свойственно «значительному лицу» в «Шинели», посещающему «знакомую даму» Каролину Ивановну (3–4: 143), лейтенанту Жевакину в «Женитьбе», вспоминающему об итальянских «красоточках» (3–4: 331), и др.

О распутстве, ставшем нестыдным обычаем, почти «законом», вопреки действительным законам, Гоголь упоминает также в черновой редакции отдельной сцены «Ревизора» «Хлестаков и Растаковский», где отставной майор Растаковский рассказывает об обыкновении квартирмейстера Трепакина проводить ночь в палатке с очередной девушкой и заключает: «...это был уж закон...»¹⁵. Вопреки этому «закону» одно из положений действовавшего Военского устава гласило: «Никакие блудницы при полках терпимы не будут, но ежели оные найдутся, имеют <...> явно выгнаны быть» [ПСЗ 1, т. 5: 373].

Размышлял также Гоголь об итогах подобного нарушения армейской дисциплины — военного «закона». Интерес Растаковского к щекотливой теме Гоголь «позаимствовал» из написанной ранее своей «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», взяв эту черту от такого же, как Растаковский, отставного военного — городничего Петра Федоровича. И тот, и другой одинаково упоминают о давних военных кампаниях и одинаково предаются воспоминаниям о случавшихся тогда любовных историях. Растаковский делает это, характеризуя Трепакина; герой «Повести...»,

Петр Федорович, — в рассказе о самом себе: «...во время кампании тысяча восемьсот седьмого года <...> я перелез через забор к одной хорошенькой немке» (1–2: 480).

Фривольные приключения в военном походе героя «Миргорода» заставляют, в свою очередь, вспомнить историю еще одного «миргородского» героя — предателя Андрия в «Тарасе Бульбе», влюбившегося в дочь врага, польского воеводы.

Сам Гоголь говорил о себе, что провел немало времени «за Библией, за Моисеем, Гомером — законодателями веков минувших» (14: 412). По всей вероятности, как в реплике Растаковского о палатке Трепакина, так и в рассказе о гибели Андрия Гоголь, знаток Священного Писания — важнейшего законодательного и нравственного кодекса человечества, — тоже имел в виду не только Воинский устав, но и соответствующие примеры из Библии. К характеристике Трепакина ближе всего стоит история св. праведного Финееса, поразившего копьем отступника Зимри, когда на глазах у всех тот привел к себе в шатер нечестивую женщину-мадианитянку (Чис. 25:6–8, 14–15). Рассказ об Андрии «повторяет» историю о Иудифи, прельстившей и погубившей своей красотой в походной палатке — «шатре» — вражеского военачальника Олоферна. Как и в «Тарасе Бульбе», действие здесь происходит под стенами осажденного города, готового от голода и жажды сдать врагу. Так «вооружается» Иудифь, когда отправляется в «палатку» к Олоферну:

«...Обула ноги свои в сандалии и возложила на себя цепочки <...> и все свои наряды, и разукрасила себя, чтобы прельстить глаза мужчин, которые увидят ее» (Иудифь 10:4).

И конец истории:

«Не от юношей пал сильный их, не сыны титанов поразили его <...> но Иудифь, дочь Мерарии, красотой лица своего погубила его <...> надела для прельщения его льняную одежду. Ее сандалии восхитили взор его, и красота ее пленила душу его; меч прошел по шее его» (Иудифь 16:6–9).

Тему женского «могущества» — «могущества слабости» (3–4: 7) — Гоголь опять-таки вполне обозначил еще в «Вечерах на хуторе близ Диканьки». Причудливые маршруты героев «Ночи перед Рождеством» распределяются между церковью

и шинком, но при этом, как «по закону», никогда не минуют, даже в самом храме, влияния либо «ведьмы» Солохи, либо красавицы Оксаны:

«Шел ли набожный мужик <...> в воскресенье в церковь или, если дурная погода, в шинок, — как не зайти к Солохе <...> А пойдет ли, бывало, Солоха в праздник в церковь <...> и станет прямо близ правого крылоса, то дьяк уже верно закашливался и прищуривал невольно в ту сторону глаза...» (1–2: 176).

И здесь, ко всему прочему, Гоголь подразумевает нарушение еще одного из «законов». Действие «Ночи перед Рождеством» — включая любовные похождения и попойки героев — происходит в один из самых строгих постных дней года, в Рождественский сочельник. Это напоминание о необходимости поста есть почти во всех (в семи из восьми) повестях цикла. Кроме этого, одним из главных, сюжетообразующих мотивов для «Ночи перед Рождеством» является давний церковный запрет женщинам становиться в храме впереди мужчин — обычай, коренящийся в монастырском уставе. Обычай этот сельские девушки, во главе с Оксаной, всячески нарушают, чтобы покрасоваться перед парубками.

Список важных переключек обличительного пафоса гоголевских произведений с церковными и правительственными постановлениями можно продолжать и продолжать. Изображение героев «Записок сумасшедшего» и «Шинели» — титулярных советников Поприщина и Башмачкина — прямо связано с законодательно оформленными условиями продвижения чиновничества по карьерной лестнице. Без сдачи официально утвержденных университетских экзаменов перейти со ступени титулярного советника к следующему чину — коллежского асессора — было невозможно. Поэтому Гоголь и называет своих нерадивых, бездарно проводящих свободное время героев «вечными титулярными советниками» (3–4: 117).

В русле многочисленных правительственных распоряжений, в том числе 1834 г.¹⁶, находится замечание в «Невском проспекте» о псевдопедагогике иностранных «гувернеров всех наций», «английских Джонсах и французских Коках», гуляющих с своими питомцами по Невскому проспекту (3–4: 8).

Не менее обширная правовая, законодательная база лежит в основе замысла главного произведения Гоголя — поэмы «Мертвые души». Едва приступив к ее созданию, Гоголь уже сообщал Пушкину:

«Начал писать Мертвых душ. <...> Ищу хорошего ябедника (т. е. судейского крючкотвора. — *И. В.*), с которым <...> можно <...> сойтись» (11: 33).

Помимо многочисленных указов о «ревизии душ»¹⁷, из других конкретных законов, подразумеваемых в «Мертвых душах», можно указать на сюжет с запоздалым заведением в 1814 г. «инвалидного капитала» для увечных воинов в «Повести о капитане Копейкине». В той же «Повести...» подразумеваются два правительственных указа 1826 г. о наказании декабристов [Виноградов, 2018: 40–41].

Высочайший указ 1832 г. о запрещении азартных игр [ПСЗ 2, т. 7: 139–140] стал для Гоголя одним из побудительных мотивов для создания комедии «Игроки». Этим указом «картежная игра» была признана в России «благовидной отраслью грабежа», «в одно мгновение отъемлющей достояние у семейств, многолетними трудами приобретенное, и предающей оное людям, своими поступками позор общества составляющим» [ПСЗ 2, т. 7: 139]. Игроки по этому указу предавались уголовному суду. Лермонтов, подразумевая указ 1832 г., в одной из редакций драмы «Маскарад» вложил, в частности, в уста своего героя, карточного шулера, следующую реплику: «За то, что прежде, как нелепость / Сходило с рук не в счет бедам, / Теперь Сибирь грозитя нам / И Петропавловская крепость»¹⁸.

Указ 1832 г. о «сборищах для запрещенной картежной игры» (которые «местные Начальства» должны «открывать» и преследовать как недопустимую в государстве «нравственную заразу»), безусловно, имеет в виду и гоголевский Городничий, когда в ответ на заманчивое предложение «ревизора» Хлестакова сыграть в карты, замечает:

«Эге, знаем, голубчик, в чей огород камешки бросают!» (3–4: 254).

Усилия правительства по искоренению взяток и карточной игры можно безошибочно назвать теми «правдивыми законами» (7: 510), в качестве прямой поддержки которых Гоголь,

по его собственному признанию, и создавал «Ревизора». В этом свете гоголевский Городничий, являющийся представителем власти в провинциальном городе, мечтающий о повышении и переезде в Петербург, на деле — как нарушитель государственных законов и постановлений — одновременно является противником и даже врагом власти.

«Верность к службе Императорского Величества» предписывалась чиновникам самим законом [ПСЗ I, т. 21: 465]. Тема измены чиновных мошенников государственным интересам — и лично Государю — звучит с первых строк «Ревизора»:

«...Министерия нарочно отправляет чиновника, чтоб узнать, нет ли где измены» (7: 381).

Проблему дискредитации власти «рядовыми» исполнителями Гоголь поставил опять-таки еще в «Майской ночи...», где вывел образ сластолюбивого сельского головы, рассуждающего о наказании псевдовольнодумных парубков-«бунтовщиков». Поставленный прямо «от царя», этот герой, согласно «комиссаровой» записке, вместо своих должностных занятий, «одурел и строит пакости» (1–2: 144, 151). Голова здесь изображен, кстати, таким же взяточником, как и городничий в «Ревизоре».

Соответственно многочисленным примерам того, как в далеком от идеального состояния обществе «один силился пред другим во что бы то ни стало взять верх» (3–4: 186), проехать «на другом верхом» (1–2: 442), одну из главных задач верховного правителя Гоголь видел в том, чтобы «подвести под законы и укротить своевольное неустройство <...> беспокойных магнатов государства, глядящих лесным зверем» (7: 373). Задачу общественного развития страны Гоголь находил, в отличие от своих радикально настроенных современников, не в том, чтобы ниспровергнуть существующую будто бы «неправедную» власть, а, напротив, в том, чтобы всемерно ее укрепить — как силу, заботящуюся, вместе с Церковью, о просвещении и воспитании тех «зверей», которые так или иначе — будучи равноправными, «рядовыми» представителями российского общества — занимают место и в государственном аппарате. «...Правительство состоит из нас же: мы выслуживаемся и составляем правительство», — писал Гоголь (14: 386).

«Мы все принадлежим правительству, все почти служим...» (3–4: 444). В этой связи писатель неизменно подчеркивал, что читателям и зрителям следует искать недостатки выведенных им героев прежде всего в самих себе (6: 46, 54, 86, 95, 206, 253–254), (14: 480).

Одновременно, наряду с правовыми вопросами, Гоголь уже в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», в повести «Иван Федорович Шпонька...», поставил проблемы педагогики. Связь последней с законотворческой деятельностью он, очевидно, усматривал в том, что педагогика тоже «пишет законы», — только не на бумаге, «не на скрижалях каменных», но, по выражению Апостола, «на плотяных скрижалях сердца» (2 Кор. 3:3).

Воплощенный в «Иване Федоровиче Шпоньке» образ «страшного учителя, у которого на кафедре всегда лежало два пучка розг и половина слушателей стояла на коленях» (1–2: 249), появляется потом в заключительной главе «Мертвых душ», посвященной биографии мошенника Чичикова; суровое воспитание явно не пошло на пользу жуликоватому герою.

Показывая в «Иване Федоровиче Шпоньке...» совершенно бесправное положение учеников перед «страшным учителем», Гоголь в той же повести изображает такой же «абсолютный феодализм» в управлении имением помещицы, тетушки Василисы Кашпоровны, которая «била ленивых вассалов своею страшною рукою» (1–2: 257) («Мужика не бей», — предупреждал позднее Гоголь в статье «Русский помещик» (6: 112)). Кроме того, Василиса Кашпоровна «брала пошлину по пяти копеек с воза, проезжавшего через ее греблю» (через плотину). В последнем случае помещица является нарушительницей сразу трех указов правительства об уничтожении в России сборов за проезд по мостам и перевозам [*ПСЗ I*, т. 13: 947–955; т. 14: 2–4; 463]. Занимается Василиса Кашпоровна и противозаконным сокрытием, ради уменьшения подушных податей, настоящего числа душ в своем имении. С самых первых указов о «ревизии душ» такое сокрытие строго преследовалось [*ПСЗ I*, т. 5: 618–620].

В отличие от противников традиционной русской государственности, взгляды Гоголя как мыслителя всегда, начиная

с самых ранних повестей, носили характерные черты государственного мышления: на многие обличаемые им явления он смотрел как бы глазами ответственного, болеющего за дело и судьбы страны высокопоставленного чиновника или даже самого царя. Такое видение было свойственно Гоголю, может быть, и потому, что в его роду было три именитых украинских правителя — три малороссийских гетмана: гетман Евстафий Гоголь, гетман Петр Дорошенко, гетман Иван Скоропадский. Государственное мышление писатель, можно сказать, унаследовал, на «генетическом» уровне, через традиции семьи. Поэтому и свою «сатирическую» деятельность Гоголь всегда оценивал как направленную исключительно на поддержку позитивных начинаний правительства — и резко отделял государство как таковое от тех нерадивых исполнителей воли монарха, которых, ради общего блага, обличал в своих произведениях.

В этом отношении писатель поступал точно так же, как в аналогичных описаниях своих героев-запорожцев в «Тарасе Бульбе». Пьянство и другие недостатки воинов-патриотов он изображал как главную помеху, препятствующую осуществлению их высокого призвания. Изображение человеческих слабостей и пороков запорожских воинов служит отнюдь не «сатире» на их высокое призвание, но, напротив, заключает в себе призыв к освобождению от недостатков — ради этого самого патриотического, христианского служения.

Точно так же в гоголевских обличениях взяточничества чиновников, воровства, их падкости на греховные удовольствия отнюдь не содержался авторский призыв к уничтожению существующего строя. В этих обличениях Гоголь всегда преследовал цель прямо противоположную. Они диктовались заботой и ревностью о всемерном укреплении государственности, об устранении в нем того, что мешает полноценной деятельности государственного организма.

Деятельность «комиков» Фонвизина и Грибоедова — и самого себя — Гоголь рассматривал как прямое продолжение многолетних, многовековых усилий правительства во главе с Государем по укреплению России, по искоренению злоупотреблений среди подданных:

«Наши комики <...> восстали <...> против целого множества злоупотреблений <...> Это — продолжение той же брани света со тьмой, внесенной в Россию Петром...» (6: 187).

Называя Моисея и Гомера «законодателями веков минувших» (14: 412), Гоголь в статье «Об Одиссее, переводимой Жуковским» добавлял:

«...“Одиссея” <...> единственно затем <...> предпринята древним поэтом, чтобы в живых образах *начертать законы* действий тогдашнему человеку. <...> ...всякая малейшая черта в “Одиссее” говорит о <...> желании поэта <...> оставить древнему человеку живую и полную книгу *законодательства*...» (6: 28–30).

По словам Гоголя, в произведениях Державина также постоянно слышится стремление поэта «*начертать закон* правильных действий человека во всем, даже в самых его наслаждениях» (6: 159).

Вот этот «законодательный», проправительственный характер творчества Гоголя, нашедший самое прямое выражение в его «сатире», радикальные идеологи более полутора веков «видя не видели, и слыша не слышали». Говорили, конечно, что гоголевские произведения имеют, мол, воспитательное значение, нравственное влияние, но за глухой стеной антигосударственных интерпретаций гоголевского творчества — идущих вразрез с авторскими замыслами — в тени всегда оставалась именно эта сторона личности писателя. На государствообразующий пафос обличений писателя указывали лишь единицы: это, кроме самого Гоголя, двое его современников и друзей — князь П. А. Вяземский [Вяземский: 309] и С. П. Шевырев (самый значимый, по оценке Гоголя, из русских критиков) [Шевырев, 1842: 227–228], [Шевырев, 1843: 285], [Шевырев, 1884: 238]. Позднее об этом писали известный ученый-филолог Н. А. Котляревский [Котляревский: 285, 313–315, 333], философ И. А. Ильин [Ильин: 268–269]. Подлинный пафос гоголевских обличений вполне оценил в 1836 г. сам Государь Николай I, разрешивший «Ревизора» к постановке и печатанию [Виноградов, 2017–2018, т. 2: 492–494]. Цель у Гоголя и у Государя — продолжателя дела Петра I, занятого искоренением недостатков среди подданных, издателя «Полного собрания

законов Российской империи», лица, у кого проблемы России по самому роду занятий стояли перед глазами, — была общей.

Особенность «духовной брани» Гоголя заключается в том, что, по его собственному признанию, разворачивается она прежде всего в правовой сфере, в области законодательной. В «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь, имея в виду господство мирских, греховных обычаев и «законов», писал:

«Дьявол <...> перестал уже являться в разных образах <...> он явился в собственном своем виде. <...> ...он перестал уже <...> чиниться с людьми. <...> ...глупейшие законы дает миру <...> Что значит эта мода, ничтожная, незначущая, которую допустил вначале человек как мелочь <...> и которая теперь <...> стала распоряжаться в домах наших <...> Никто не боится преступать несколько раз в день первейшие и священнейшие законы Христа и между тем боится не исполнить ее малейшего приказанья <...> Что значат все незаконные эти законы, которые видим, в виду всех, чертит исходящая снизу нечистая сила, — и мир это видит весь и, как очарованный, не смеет шевельнуться?» (6: 201–202).

Неизменная ориентация Гоголя в его обличениях на церковные установления, требования морали и правительственные законы естественно придавала его писательской деятельности особый характер. Ориентация на церковные установления и правовые гражданские акты обеспечивала то, что за гоголевскими сатирическими образами вставала огромная законодательная и нравственная база, масштабная идеологическая основа и — вследствие этого — понимание конкретных задач государственного строительства. Тем более что в православной державе указы и постановления почти всегда были неразрывно связаны законами Церкви. Вера в народ сочеталась у Гоголя с трезвым пониманием падшести человеческой природы, а гражданские законы конкретизировали, приближали церковные «вечные» правила к условиям современной жизни, обеспечивая, таким образом, применение церковных узаконений к новым потребностям и обстоятельствам.

Словом, гоголевские обличения, начиная с «Вечеров на хуторе близ Диканьки», всегда находились в русле правительственных начинаний и многовековых усилий Церкви по духовному воспитанию русского человека. Список переключек и реминисценций можно было бы продолжить, но сказанного

вполне достаточно, чтобы сделать предварительный вывод. Весь свод, вся совокупность гражданских и церковных узаконений, все «Полное собрание законов Российской империи» были полноценной творческой лабораторией Гоголя, по слову псалма: «Коль возлюбих закон Твой, Господи, весь день поучение мое есть» (Пс. 118:97; ц.-сл.). Наследие Гоголя, поставленное в «правильный», авторский контекст, приобретает новое, неожиданное звучание, приоткрывает свой цельный, последовательный, непротиворечивый характер, обнаруживает черты, общие для всех жанров. «Законодательное», «волевое» начало и связанные с ним педагогическая и проповедническая составляющие выступают на уровне самой поэтики Гоголя, диктуют ее законы и определяют их единство в произведениях всех периодов творчества писателя.

Примечания

- ¹ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. (15 кн.) / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010. Т. 10. С. 50. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома и страницы в круглых скобках.
- ² О прежних правах, вольностях и преимуществах Малороссии // Отечественные записки. 1830. Ч. 42. Июнь. № 122. С. 324–356.
- ³ Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собрание первое. В 45 т. СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 5. С. 530; Т. 42. Ч. 2. С. 243. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *ПСЗ 1*.
- ⁴ Пушкин А. С. <История Петра. Подготовительные тексты> // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 10. С. 237.
- ⁵ Сводный указатель законов о «пьянстве» см.: [*ПСЗ 1*, т. 42, ч. 2: 736]; Общий алфавитный указатель ко второму Полному собранию законов Российской империи. СПб., 1885. Т. 3. С. 378.
- ⁶ См.: [*ПСЗ 1*, т. 42, ч. 2: 374–375]; Общий алфавитный указатель ко второму Полному собранию законов Российской империи. Т. 3. С. 77.
- ⁷ Сводный указатель законов о «суеверии и суеверных обрядах» 1689–1782 и 1837–1841 гг. см.: [*ПСЗ 1*, т. 42, ч. 2: 1040–1041]; Общий алфавитный указатель ко второму Полному собранию законов Российской империи. Т. 3. С. 640.
- ⁸ Сводный указатель законов о «ревизии дел» 1720–1823 и 1825–1878 гг. см.: [*ПСЗ 1*, т. 42, ч. 2: 754–755]; Общий алфавитный указатель ко второму

- Полному собранию законов Российской империи. Т. 3. С. 386, 389–402.
- ⁹ См.: [ПСЗ 1, т. 26: 800–801; т. 32: 217; т. 37: 796]; Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе: в 55 т. СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1832. Т. 7. С. 135–136, 435. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения ПСЗ 2.
- ¹⁰ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: [в 14 т.] [Ленинград]: АН СССР, 1937–1952. Т. 4 / текст подготовил В. Л. Комарович; коммент. сост. В. В. Гиппиус и В. Л. Комарович. С. 310.
- ¹¹ См.: [ПСЗ 1, т. 42, ч. 2: 836]; Общий алфавитный указатель ко второму Полному собранию законов Российской империи. Т. 3. С. 445.
- ¹² Свод соответствующих указов по опекунам советам см.: [ПСЗ 1, т. 42, ч. 2: 313–316]; Общий алфавитный указатель ко второму Полному собранию законов Российской империи. Т. 2. С. 830–833.
- ¹³ См.: [ПСЗ 1, т. 42, ч. 2: 724–725]; Общий алфавитный указатель ко второму Полному собранию законов Российской империи. Т. 3. С. 364–367.
- ¹⁴ Сводные указатели указов о распутстве 1649–1819 и 1829–1841 гг. см.: [ПСЗ 1, т. 42, ч. 1: 112–113]; Общий алфавитный указатель ко второму Полному собранию законов Российской империи. Т. 3. С. 386.
- ¹⁵ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: [в 14 т.] [Ленинград]: АН СССР, 1937–1952. Т. 4. С. 194.
- ¹⁶ См. закон № 6928 от 25 марта 1834 г. (Распубликован 19 апреля): «Именный, данный Сенату. — О воспреещении принимать в должности по домашнему воспитанию иностранцев, не получивших аттестатов от Русских Университетов» [ПСЗ 2, т. 9, отд. 1: 229–230]. Или закон № 7240 от 1 июля 1834 г. (Распубликован 17 Июля): «Высочайше утвержденное положение о домашних наставниках и учителях» [ПСЗ 2, т. 9, отд. 1: 674–681].
- ¹⁷ Сводный указатель законов о «ревизии душ» 1718–1825 и 1826–1874 гг. см.: [ПСЗ 1, т. 42, ч. 2: 755–765]; Общий алфавитный указатель ко второму Полному собранию законов Российской империи. Т. 3. С. 386–389.
- ¹⁸ Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Т. 5 / ред. Б. П. Городецкий. С. 696.

Список литературы

1. [Булгаков К. Я.] Из писем Константина Яковлевича Булгакова к брату его Александру Яковлевичу // Русский архив. — 1903. — № 6. — С. 167–219.
2. Виноградов И. А. Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809–1852). Научное издание: в 7 т. — М.: ИМЛИ РАН, 2017–2018. — Т. 1–7. — 736 + 672 + 672 + 704 + 928 + 656 + 640 с.
3. Виноградов И. А. «Огорченные люди» в творчестве Н. В. Гоголя // Проблемы исторической поэтики. — 2018. — Т. 16. — № 4. — С. 29–114 [Электронный ресурс]. — URL: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1544615154.pdf (01.12.2019). DOI: 10.15393/j9.art.2018.5521

4. Виноградов И. А. Образ монарха-наставника в творчестве Н. В. Гоголя // Проблемы исторической поэтики. — 2019. — Т. 17. — № 2. — С. 111–134 [Электронный ресурс]. — URL: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1562595168.pdf (01.12.2019). DOI: 10.15393/j9.art.2019.6202
5. [Вяземский П. А., князь] В. «Ревизор», комедия. Соч. Н. Гоголя. С.-Петербург. 1836 // Современник. — 1836. — Т. 2. — С. 285–309.
6. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. (15 кн.) / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. — М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010. — Т. 1–17. — 664 + 688 + 680 + 744 + 816 + 720 + 968 + 392 + 488 + 704 + 592 + 608 + 624 + 816 + 936 с.
7. Ильин И. А. Гоголь — великий русский сатирик, романтик, философ жизни // Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. / сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. — М.: Русская книга, 1997. — Т. 6. — Кн. 3. — С. 240–276.
8. Котляревский Н. А. Николай Васильевич Гоголь. 1829–1842. Очерк из истории русской повести и драмы. — 2-е изд., испр. — СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1908. — 580 с.
9. Шевырев С. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Статья первая // Москвитянин. — 1842. — № 7. — С. 207–228.
10. Шевырев С. Критический перечень произведений русской словесности за 1842 год // Москвитянин. — 1843. — № 1. — С. 273–298.
11. Шевырев С. П. Лекции о русской литературе, читанные в Париже в 1862 году. — СПб., 1884. — 280 + 29 с.

Igor' A. Vinogradov

*A. M. Gorky Institute of World Literature,
The Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)*

info@imli.ru

The Concept of Law in the Works of Nikolay Gogol

Abstract. The article for the first time, raises a question about one of the profiles of Gogol's activity as a "satirist", a denouncer of morals. In his writings the author inevitably follows the laws of the Russian Empire, more than a hundred of volumes of which were published during his lifetime. It is emphasized that Gogol's desire to devote himself to justice, dated back to his school days, he carried through all his whole life. He considered his writings, as well as the legacy of Homer, Derzhavin, Fonvizin and Griboedov, as educational, "legislative" for contemporaries. The writer created every his writing, by his own admission, as a support for the "truthful laws" of the State and Church, the unity of which was determined by the peculiarities of the legislation of the Orthodox State. The work consistently traces reminiscences of *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire* contained in the first Gogol's series *Evenings on a Farm near Dikanka*, the collection *Mirgorod*, St. Petersburg novels, *The Government*

Inspector, Dead Souls, the comedy *The Gamblers*, etc. The government decrees were also mentioned in Gogol's works, for example, Anti-Superstition laws, alcohol laws, wine tax and beverage production laws, tax arrears laws, "souls inspection" decrees and "documents audit", prohibitive decrees on bribes, moneylending, harlotry, gambling and so forth. The connection of the "legislative" problems with the laws of Gogol's poetics, their unity in the works of all genres and all periods of Gogol's creative activity is emphasized.

Keywords: Gogol, biography, creativity, social ideology, law, legislation, legality, spiritual heritage, poetics

About the author: Vinogradov Igor' A. — Doctor of Philology, Chief Investigator, A. M. Gorky Institute of World Literature, The Russian Academy of Sciences (ul. Povarskaya 25a, Moscow, 121069, Russian Federation)

Received: January 10, 2020

Date of publication: May 25, 2020

For citation: Vinogradov I. A. The Concept of Law in the Works of Nikolay Gogol. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2020, vol. 18, no. 2, pp. 64–86. DOI: 10.15393/j9.art.2020.7942 (In Russ.)

References

1. Bulgakov K. Ya. From the Letters of Konstantin Yakovlevich Bulgakov to His Brother Alexander Yakovlevich. In: *Russkiy Arkhiv*, 1903, no. 6, pp. 167–219. (In Russ.)
2. Vinogradov I. A. *Letopis' zhizni i tvorchestva N. V. Gogolya (1809–1852): v 7 tomakh [The Chronicles of Life and Works of N. V. Gogol (1809–1852): in 7 Vols]*. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2017–2018, vol. 1–7. 736 + 672 + 672 + 704 + 928 + 656 + 640 p. (In Russ.)
3. Vinogradov I. A. "Grived People" in the Works of N. V. Gogol. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2018, vol. 16, no. 4, pp. 29–114. Available at: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1544615154.pdf (accessed on December 1, 2019). DOI: 10.15393/j9.art.2018.5521 (In Russ.)
4. Vinogradov I. A. The Image of the Monarch-Mentor in the Works of N. V. Gogol. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2019, vol. 17, no. 2, pp. 111–134. Available at: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1562595168.pdf (accessed on December 1, 2019). DOI: 10.15393/j9.art.2019.6202 (In Russ.)
5. Vyazemskiy P. A., Prince. The Government Inspector. Comedy. Written by N. Gogol. St. Petersburg. 1836. In: *Sovremennik [Contemporary]*, 1836, vol. 2, pp. 285–309. (In Russ.)
6. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 17 tomakh (15 knigakh) [The Complete Works and Letters: in 17 Vols (15 Books)]*. Moscow, Kiev, Moskovskaya Patriarkhiya Publ., 2009–2010, vol. 1–17. 664 + 688 + 680 + 744 + 816 + 720 + 968 + 392 + 488 + 704 + 592 + 608 + 624 + 816 + 936 p. (In Russ.)

7. Il'in I. A. Gogol is a Great Russian Satirist, Romantic, Philosopher of Life. In: *Il'in I. A. Sobranie sochineniy: v 10 tomakh* [Collected Works: in 10 Vols]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1997, vol. 6, book 3, pp. 240–276. (In Russ.)
8. Kotlyarevskiy N. A. *Nikolay Vasil'evich Gogol'. 1829–1842. Ocherk iz istorii russkoy povesti i dramy* [Nikolay Vasilyevich Gogol. 1829–1842. An Essay on the History of Russian Novels and Drama]. St. Petersburg: Tipografiya M. M. Stasyulevicha Publ., 1908. 580 p. (In Russ.)
9. Shevyrev S. The Adventures of Chichikov, or Dead Souls. N. Gogol's Poem. In: *Moskvityanin*, 1842, no 7, pp. 207–228. (In Russ.)
10. Shevyrev S. A Critical List of Works of Russian Literature in 1842. In: *Moskvityanin*, 1843, no. 1, pp. 273–298. (In Russ.)
11. Shevyrev S. P. *Lektsii o russkoy literature, chitannye v Parizhe v 1862 godu* [Lectures on Russian Literature Given in Paris in 1862]. St. Petersburg, 1884. 280 p. + 29 p. (In Russ.)